

Дженни Хан

ЭТИМ
ЛЕТОМ
Я СТАЛА
красивой

От автора романа
«Всем парням,
которых я любила»

Вместе и навсегда

Дженни Хан

Этим летом я стала красивой

«АСТ»

2009

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хан Д.

Этим летом я стала красивой / Д. Хан — «АСТ»,
2009 — (Вместе и навсегда)

ISBN 978-5-17-100160-5

Новый год Белли отсчитывает не с первого января, а с первого... июня. Все самое волшебное случается в это солнечное, теплое и счастливое время. Каждый год она вместе со своей семьей уезжает на каникулы в пляжный дом к Сюзанне и ее сыновьям Джереми и Конраду. Они были ее семьей, ее «братьями»... до тех самых пор, пока одним летом все бесповоротно не изменилось.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100160-5

© Хан Д., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	31
Глава 14	32
Глава 15	36
Глава 16	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дженни Хан

Этим летом я стала красивой

Jenny Han

THE SUMMER I TURNED PRETTY

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Folio Literary Management, LLC
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Text copyright © 2009 by Jenny Han

© А. Казликина, фотография на обложке, 2017

© Е. Копытова, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Всем женщинам, ставшим мне сестрами, и особенно Клэр

Я говорю:

– Поверить не могу, что ты приехал.

– Я тоже. – Он замешкался. – Ты со мной?

Поверить не могу, что он еще и спрашивает. Я поеду с ним куда угодно.

– Да, – отвечаю я. Кажется, другого слова для меня сейчас не существует. Здесь только мы вдвоем. Все, что случилось этим летом, и все, что происходило между нами все эти годы, вело нас сюда. К этому моменту.

Глава 1

Ехали мы ужасно долго. Стивен, мой брат, вел машину еще медленнее, чем наша бабуля. Я сидела впереди, рядом с ним, закинув ноги на панель. Мама дремала на заднем сиденье. Но даже во сне вид у нее был такой настороженный, что казалось, она в любую секунду могла проснуться и начать указывать путь.

– Давай быстрее, – поторопила я Стивена, пихая его в плечо. – Обгони уже этого малыша на велике.

Стивен пропустил мои слова мимо ушей.

– Никогда не трогай водителя и убери грязные лапы с моей панели.

Я посмотрела на свои вполне чистые ступни.

– Это не твоя панель. Не забывай, что скоро эта машина станет моей.

– Только если ты получишь права, – усмехнулся брат. – Вообще, я бы запретил садиться за руль таким, как ты.

– Глянь-ка, – сказала я, указывая на дорогу, – парень в инвалидном кресле только что нас догнал!

Стивен проигнорировал меня, и тогда я стала переключать радиостанции. Обожаю слушать радио в дороге. Могу сказать, что знаю местные радиостанции как свои пять пальцев. И чувствую трепет в груди, когда нахожу Q94, это значит, что мы уже подъезжаем к побережью.

Я нашла любимую станцию, на которой передавали все: и поп, и ретро, и даже хип-хоп.

Том Петти¹ исполнял *Free Fallin'*, и я запела вместе с ним.

Она – хорошая девочка, она любит маму,
Любит Иисуса и Америку,
Она – хорошая девочка, она сходит с ума по Элвису Пресли,
Любит лошадей и своего парня.

Стивен уже было потянулся, чтобы выключить радио, но я тут же оттолкнула его руку.

– Белли, от твоего пения мне хочется направить машину прямо в океан. – Он дернул руль, будто и вправду собрался съехать с дороги.

Я запела еще громче, от чего проснулась мама и запела вместе со мной. У нас с нею совершенно нет голоса, и Стивен замотал головой, изображая свое фирменное отвращение. Он ненавидит оставаться в меньшинстве. Больше всего его напрягает то, что после развода родителей он остался единственным мужчиной в семье и на его стороне больше нет папы.

Мы медленно ехали по городу, и, несмотря на то что я только что дразнила за это Стивена, сейчас я наслаждалась этой поездкой, этим моментом. Мне было радостно снова видеть «Крабовую лавку Джимми», мини-гольф, магазинчики для любителей серфинга. Я будто возвращалась домой после долгого-долгого отсутствия. Лето здесь сулило тысячи приятных сюрпризов.

Чем ближе мы подъезжали к дому, тем чаще билось мое сердце. Мы почти на месте.

Я опустила стекло и глубоко вдохнула. Соленый морской бриз, ветерок, спутывающий волосы, запахи и звуки – все здесь осталось по-прежнему, как будто ждало моего приезда.

Стивен ткнул меня локтем.

– Думаешь о Конраде? – насмешливо спросил он.

Я отрезала:

– Нет.

¹ Петти, Том (р. 1950) – американский рок-музыкант.

Мама просунула голову между передними сиденьями.

– Тебе что, все еще нравится Конрад? Прошлым летом мне показалось, что между тобой и Джереми что-то происходит.

– Что?! Ты и Джереми? – Стивен сделал вид, что его вот-вот вырвет. – Что у вас с Джереми?

– Ничего, – ответила я им обоим и почувствовала, что краснею. Жаль, что я еще не успела загореть, и это всем заметно. – Мам, то, что мы хорошие друзья, не значит, что между нами что-то есть. Пожалуйста, давай больше не будем возвращаться к этой теме?

Мама откинулась на сиденье.

– Хорошо, – произнесла она так решительно, что я знала: Стивен больше не посмеет что-нибудь сказать по этому поводу.

Но мой брат не был бы самим собой, если бы не попытался.

– Что у вас с Джереми? Ты не можешь не рассказать о таком!

– Отстань. – Расскажи я Стивену что-нибудь в этом духе, и у него появится еще один повод меня дразнить. И к тому же рассказывать мне нечего.

Конрад и Джереми – сыновья Бек. Бек – это Сюзанна Фишер, в девичестве Бек. Только моя мама до сих пор зовет ее Бек. Они знают друг друга с девяти лет и считают себя кровными сестрами, они даже показывали шрамы в форме сердечек на запястьях в доказательство.

Как-то раз Сюзанна сказала мне, что когда я родилась, она сразу поняла, что мне суждено быть с одним из ее мальчиков. Она сказала, что это судьба. Мама обычно не принимала участия в подобных беседах, но тогда она согласилась, что это было бы просто замечательно, особенно если перед этим у меня будет пара других влюбленностей. На самом деле она сказала «любовников», но меня от этого аж передернуло.

Сюзанна взяла меня за лицо и сказала:

– Белли, я даю тебе свое благословение. Я даже представить не могу, что кто-нибудь из моих мальчиков будет с кем-то, кроме тебя.

Сколько себя помню и даже, наверное, до моего рождения, мы каждое лето приезжали в летний домик на пляже. Для меня Казенс был не просто городком, а именно домом. Моей вселенной. В нашем распоряжении был целый пляж. Сам дом тоже заключал в себе массу интересного: широкую веранду, по которой мы любили бегать, кувшины с холодным чаем, бассейн, где мы купались по ночам, но главное – там были мальчики.

Мне всегда было любопытно, как мальчики выглядят в декабре. Я пыталась представить их, стоящими у елки в клюквенно-красных шарфах и свитерах, с порозовевшими от мороза щеками, но что-то в этой картине было не так. Я и понятия не имела, как Джереми и Конрад выглядят зимой, и завидовала всем, кто это знал. Я всегда видела их загорелыми, с облупленными носами, в шлепанцах, на пляже, в воде. Какими они были с другими девушками, когда играли в снежки? С теми, кого обнимали, когда ждали, пока прогреется машина, или с теми, кому отдавали свои куртки, когда на улице было морозно? Хотя не думаю, что Конрад так поступал, это не в его стиле. Вот Джереми, да, возможно. Но в любом случае, картину это не проясняло.

Сидя у обогревателя в классе истории, я порой гадала, чем они сейчас заняты. Может, тоже где-нибудь греются у обогревателя и считают дни до начала лета? Зимы для меня как будто не существовало. Лето было для меня всем, и только летом моя жизнь имела значение. А до июля, пляжа и этого дома я словно и не жила.

Конрад – самый старший из нас, старше Джереми на полтора года. Он мрачный, угрюмый, совершенно непостижимый. Его губы всегда ухмыляются, и я часто ловлю себя на мысли, что не могу отвести от них глаз. Мне хочется стереть эту ухмылку с его лица поцелуем. Может, даже не насовсем, а только так, чтобы управлять ею. Приручить ее. Так же, как я хотела бы, чтобы Конрад стал моим.

Джереми просто мой друг. Он всегда добр ко мне. Он из тех парней, кто не стыдится обнимать маму и держать ее за руку, несмотря на то, что сам уже не ребенок. Это его не смущает. Джереми Фишер вообще слишком занятой человек, чтобы у него было время смущаться.

Я думаю, в школе Джереми гораздо популярнее Конрада, и могу поспорить, что девочкам он нравится больше. И если бы не футбол, на Конрада вообще никто не обращал бы внимания. Тогда бы он был всего лишь тихим, угрюмым Конрадом, а не футбольным богом. Как раз таким, каким он мне и нравился. Мне нравится, что Конрад предпочитает проводить время в одиночестве, играя на гитаре. Кажется, что все эти глупые заморочки старшей школы его вообще не волнуют. Мне нравится размышлять о том, что если бы Конрад учился в моей школе, то тогда он не занимался бы футболом, а был бы тихоней и обращал бы внимание на таких, как я.

Когда мы наконец подъехали к дому, парни уже ждали нас, сидя на крыльце. Я перевалилась через Стивена и посигналила два раза, что на нашем языке означало *«Идите и помогите с чемоданами»*.

У Конрада недавно был день рождения, ему исполнилось восемнадцать. Сложно поверить, но он стал еще выше, чем прошлым летом. Сейчас его темные волосы были коротко подстрижены. А вот у Джереми волосы еще больше отросли, отчего он казался лохматым, но в хорошем смысле, он стал выглядеть прямо как какой-нибудь теннисист из семидесятых. Когда Джереми был маленьким, его курчавые волосы выгорали до оттенка платины, и он терпеть не мог свои кудряшки. Как-то раз Конрад убедил его, что волосы выются от того, что он ест много хлебных корочек, и Джереми перестал есть корочки от сэндвичей. Так Конраду доставалось в два раза больше. Хотя со временем волосы Джереми действительно перестали виться и стали просто волнистыми.

Мне очень не хватает тех кудряшек. Сюзанна называла его ангелочком, и он действительно был похож на розовощекого златокудрого ангела. К счастью, щеки у него все такие же румяные.

Джереми сложил руки рупором и заорал:

– Сти-и-ив!

Я сидела в машине и наблюдала за тем, как Стивен направился к ним, и они принялись обниматься и хлопать друг друга по плечам. Воздух был соленым и влажным, будто в любую секунду мог пойти дождь. Я притворилась, что завязываю шнурки на кроссовках, но на самом деле мне хотелось запечатлеть в памяти этот момент, посмотреть на них и на дом, еще немного побыть в одиночестве.

Дом был большим, серо-белым, он выглядел точно так же, как и все соседние, но был намного лучше. Он просто был таким, каким должен быть дом на побережье, – родным.

Мама тоже вышла из машины.

– Привет, мальчики. Где ваша мама? – крикнула она.

– Привет, Лорел. Она решила вздремнуть, – крикнул Джереми в ответ. Обычно Сюзанна выбегала навстречу, как только подъезжала машина.

Мама в три шага преодолела расстояние между ними и сжала каждого в объятиях, таких же крепких, как и ее рукопожатие. Сдвинув на макушку солнцезащитные очки, она вошла в дом.

Я вышла из машины и закинула сумку на плечо. Сначала они даже не заметили моего приближения. Но потом – о, да! – заметили. Конрад окинул меня оценивающим взглядом, таким, каким в последнее время все чаще смотрят на меня парни в торговых центрах. Прежде он никогда так на меня не смотрел. Ни разу. Я почувствовала, что начинаю краснеть, как несколько минут назад, в машине. Джереми, казалось, поначалу меня вообще не узнал. Все произошло за три секунды, но по ощущениям длилось дольше, намного дольше.

Конрад первым обнял меня, но это было мало похоже на объятие, слишком уж осторожное, такое, будто он старается держаться от меня подальше. Он совсем недавно подстригся, и кожа на его затылке была розоватая и нежная, как у младенца. Он пах океаном.

– В очках ты мне больше нравилась, – прошептал он мне на ухо.

Это было неприятно. Я оттолкнула его и сказала:

– Что ж, очень жаль, линзы я не сниму.

Он улыбнулся, и эта улыбка поразила меня в самое сердце. Его улыбка каждый раз делала со мной такое.

– Кажется, появилось несколько новых, – проговорил он, касаясь пальцем моего носа.

Он прекрасно знал, как я ненавидела свои веснушки, но каждый раз дразнил меня.

Джереми подхватил меня и буквально поднял в воздух.

– Белли, ты так выросла! – закричал он радостно.

Я засмеялась.

– Поставь меня, – велела я. – От тебя воняет потом.

Джереми расхохотался.

– Все та же Белли, – сказал он, но посмотрел на меня так, будто не был полностью в этом уверен.

Он склонил голову набок:

– Что-то в тебе изменилось, Белли.

Я напряглась, ожидая какого-нибудь подкола.

– Просто у меня теперь линзы. – Я тоже не могла привыкнуть к себе без очков. Моя лучшая подруга Тейлор с шестого класса пыталась убедить меня носить линзы, и в конце концов я прислушалась.

Он улыбнулся.

– Не в этом дело. Ты просто выглядишь иначе.

Я вернулась к машине, а парни последовали за мной. Мы быстро разгрузили багаж, и, как только закончили, я взяла чемодан и сумку и направилась напрямик в свою комнату.

Я всегда останавливалась в старой девичьей спальне Сюзанны. Там были выцветшие обои и белый спальный гарнитур. И музыкальная шкатулка, которую я очень любила и хранила в ней свои украшения. Когда я ее открывала, в ней под старую добрую заглавную тему из «Ромео и Джульетты» кружилась балерина. Все в этой комнате было старым и выцветшим, но это мне в ней и нравилось. Мне казалось, что у каждой вещи здесь – у стен, кровати с балдахином и, особенно, у музыкальной шкатулки – есть свои секреты.

Я почувствовала, что мне нужна небольшая передышка после встречи с Конрадом, особенно после того, как он смотрел на меня. Я схватила с туалетного столика белого плюшевого медведя и прижала к груди. Его звали Джуниор Минт или просто Джуниор. Обнимая его, я села на свою большую кровать. Сердце билось так громко, что я слышала каждый удар. И вроде все было как прежде, но в то же время что-то изменилось. Они смотрели на меня как на девушку, а не как на чью-то младшую сестру.

Глава 2

12 лет

В этом доме мое сердце было впервые разбито. Мне было двенадцать.

В одну из тех редких ночей, когда мальчики не проводили время вместе, Стивен и Джереми отправились на ночную рыбалку с какими-то парнями, с которыми познакомились в торговом центре. Конрад отказался, заявив, что на рыбалку ему не хочется, а меня, конечно же, никто не приглашал. Поэтому в доме остались только я и он.

Не вместе, но под одной крышей.

Когда Конрад вошел в мою комнату, я читала какой-то любовный роман, закинув ноги на стену. Он остановился и спросил:

– Белли, что ты делаешь сегодня вечером?

Я резко захлопнула книгу.

– Ничего, – ответила я, стараясь контролировать голос, чтобы не прозвучать слишком взволнованно или нетерпеливо. Я специально оставила дверь в комнату открытой, надеясь на то, что он вдруг решит заглянуть.

– Не хочешь ли прогуляться со мной? – спросил он небрежно, даже чересчур небрежно.

Я ждала этого момента. Именно этого. Наконец-то я до него выросла. И какая-то часть меня это чувствовала, я была готова. Я взглянула на него с той же небрежностью.

– Возможно. Очень хочется яблоко в карамели.

– Я тебе куплю, – предложил он. – Поскорее одевайся и пойдем. Наши мамы собираются в кино и могут подбросить нас по пути.

Я быстро села и сказала:

– Хорошо.

Как только Конрад вышел, я закрыла дверь и подбежала к зеркалу. Расплела косы и расчесала волосы. Тем летом они были длинными, почти до талии. Затем я сменила купальник на белые шорты и свою любимую серую футболку. Папа говорил, что она оттеняет мои глаза. Затем я накрашила губы клубничным блеском и сунула его в карман на тот случай, если мне вдруг понадобится освежить его.

В машине Сюзанна улыбалась мне в зеркало заднего вида. *«Пожалуйста, не надо»*, – умоляла я ее взглядом, но на самом деле мне хотелось улыбаться в ответ.

В любом случае Конрад не обращал внимания. Всю дорогу он смотрел в окно.

– Повеселитесь, ребята, – сказала Сюзанна и подмигнула мне, когда я закрывала дверь.

Первое, что сделал Конрад, – купил мне яблоко в карамели. Себе он взял содовую, что уже было странным, обычно он уплетал пару яблок или пирожное. Он нервничал, и от этого я немного успокоилась.

Мы шли по пляжу, и я держала руку свободно, *на всякий случай*. Но он не взял ее. Вечер был просто изумительным, из тех, когда дует легкий бриз и с неба не падает ни капли дождя. Дождь обещали на завтра, но в ту ночь дул только прохладный ветерок.

– Давай сядем, и я смогу доесть яблоко, – предложила я. Так мы и сделали. Мы сели на скамейку, с которой был виден пляж.

Я аккуратно откусывала яблоко, переживая, как Конрад будет целовать меня, если карамель застрянет в зубах.

Он шумно допил свою колу и посмотрел на часы.

– Когда закончишь, может, пойдем побросаем кольца?

Он хотел выиграть для меня плюшевую игрушку! Я уже знала, какую выберу – белого медведя в очках и в шарфе. Я все лето к нему присматривалась. И уже представляла себе, как буду показывать его Тейлор и рассказывать, что его для меня выиграл Конрад Фишер.

Я доела яблоко в три укуса.

– Все, – сказала я, вытирая губы тыльной стороной руки. – Пойдем.

Конрад зашагал прямо к кольцебросу, а я практически побежала за ним, чтобы не отставать. Он, как обычно, мало говорил, поэтому мне приходилось болтать за двоих, чтобы чем-то заполнить паузы.

– Я думаю, что, когда мы вернемся, мама разрешит наконец установить кабельное. Стивен, папа и я всегда пытались убедить ее это сделать. Она говорит, что вообще против телевизора, а сама все время, пока мы здесь, смотрит по кабельному фильмы. Это так лицемерно! – сказала я и притихла, когда поняла, что Конрад вообще меня не слушает. Он смотрел на девушку, которая стояла за прилавком.

На вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать. Первое, что я заметила, – это шорты. Канареечно-желтые и очень, очень короткие. Точь-в-точь такие же, какие я надевала два дня назад. Мы купили их вместе с Сюзанной, и они мне ужасно нравились, но парни обсмеяли их. На этой девушке они смотрелись гораздо лучше.

У нее были худые ноги и тонкие руки, усеянные веснушками. У нее все было тонким, даже губы. Длинные волнистые волосы были рыжими, но настолько светлыми, что казались почти розовыми. Мне показалось, что это самые красивые волосы, которые я когда-либо видела. Она зачесала их набок, и ей приходилось отводить их в сторону всякий раз, когда она подавала кольца.

Конрад пришел на пляж ради нее. И привел меня, потому что не хотел идти один. И не хотел, чтобы Джереми и Стивен дразнили его. Вот в чем дело. Я видела это по тому, как он смотрел на нее, по тому, как он сдерживал дыхание.

– Ты ее знаешь? – спросила я.

Он вздрогнул, словно вообще забыл, что я была рядом.

– Ее? Нет, не совсем.

Я прикусила губу.

– Так ты хочешь этого?

– Чего? – Конрад смутился, и это немного раздражало.

– Хочешь с ней познакомиться? – спросила я нетерпеливо.

– Ну да.

Я схватила его за рукав и потащила прямо к палатке. Девушка улыбнулась нам, я улыбнулась в ответ, но это было лишь для отвода глаз. Я просто играла свою роль.

– Сколько вам колец? – спросила она. Она носила брекететы, но у нее они смотрелись привлекательно, как будто это украшения для зубов, а не ортодонтическая конструкция.

– Три, – сказала я ей. – Кстати, клевые шорты.

– Спасибо, – ответила она.

Конрад прочистил горло:

– Они замечательные.

– Мне кажется, два дня назад, когда на мне были точно такие же, ты говорил, что они слишком короткие. – Я повернулась к ней и сказала: – Конрад просто чрезмерно заботливый. А у тебя есть старший брат?

Она рассмеялась:

– Нет. – И спросила у Конрада: – Ты правда считаешь, что они слишком короткие?

Тот покраснел. За все время, что я его знала, я никогда еще не видела, чтобы он краснел. И мне показалось, что это было в первый и последний раз.

Я сделала вид, что смотрю на часы.

– Кон, перед тем как мы уйдем, я хочу прокатиться на колесе обозрения. А ты пока выиграй для меня приз, идет?

Конрад кивнул мне, я попрощалась с девушкой и ушла. К колесу обозрения я практически бежала, чтобы они не смогли увидеть, что я реву.

Позже я узнала, что девушку звали Энжи. Конрад в конце концов выиграл мне белого медведя в очках и шарфе. Он сообщил, что, по словам Энжи, это самый крупный приз, который только у них был, и он подумал, что он мне понравится. Я сказала, что мне больше понравился жираф, но, так и быть, спасибо. Я назвала медведя Джуниор Минт и оставила его там, где он и должен был находиться, – в доме на пляже.

Глава 3

Распаковав вещи, я направилась прямо к бассейну, где, я точно знала, будут мальчишки. Они лежали в шезлонгах, свесив грязные босые ноги. Как только Джереми увидел меня, то тут же вскочил.

– Леди и джентльмены, – объявил он, раскланиваясь как цирковой инспектор на манеже, – думаю, настало время открытия купального сезона.

Я медленно отступила от них. Резкое движение, и конец – они бы сразу меня поймали.

– Ни за что! – предупредила я.

Конрад и Стивен уже тоже поднялись с мест и окружили меня.

– Ты же не можешь нарушить традицию, – сказал Стивен. Конрад только зловеще усмехнулся.

– Я слишком взрослая для этого, – простонала я в отчаянии. Я попыталась, и они тут же схватили меня. Пальцы Стивена и Джереми сомкнулись на моих запястьях.

– Ну же, парни, – заныла я, вырываясь из их хватки. И попыталась тормозить ногами, но они все равно уже потащили меня.

Я прекрасно знала, что сопротивляться бесполезно, но все равно пыталась, хотя ступни жгло о бетон.

– Готовы? – спросил Джереми, поднимая меня за подмышки.

Конрад подхватил меня за ноги, Стивен взял за правую руку, а Джереми за левую. Они раскачали меня как мешок с мукой.

– Я вас ненавижу! – заорала я, пытаюсь перекричать их смех.

– Один, – начал Джереми.

– Два, – продолжил Стивен.

– И три, – закончил Конрад. И они бросили меня в бассейн, прямо в одежде. Я с шумом плюхнулась в воду.

Из-под воды я услышала их аплодисменты.

Эту традицию они завели много лет назад. И, если не ошибаюсь, придумал ее Стивен. Я терпеть ее не могла. Пусть это и было одним из тех немногих мальчишеских занятий, в которые я была вовлечена, но мне совершенно не нравилось становиться жертвой их веселья. Мне не нравилось быть абсолютно бессильной, это напоминало мне, что я слишком слаба, чтобы бороться с ними, и все потому, что я девчонка. Младшая сестра.

Раньше я плакала из-за этого и бежала к Сюзанне или к маме, но ничего хорошего из этого не выходило. Мальчишки просто обвиняли меня в том, что я ябеда. Но не в этот раз. Сегодня я собираюсь быть примерной девочкой. Возможно, если я поддержу компанию, они забудут некоторые свои проделки.

Я вынырнула и, улыбаясь, сказала:

– Мальчишки, такое чувство, что вам по десять лет.

– По жизни, – самодовольно ответил Стивен. У меня появилось жуткое желание окунуть эту самодовольную физиономию Стивена в бассейн вместе с его дорогими солнцезащитными очками от «Хьюго Босс», на которые пошла его месячная зарплата. Но я сказала:

– Конрад, кажется, ты вывихнул мне лодыжку. – Я притворилась, что мне трудно плыть. Он подошел к краю бассейна.

– Уверен, это не смертельно, – усмехнулся он.

– Ну, в конце концов, хотя бы помоги мне выбраться отсюда, – попросила я.

Он присел на корточки и протянул мне руку, за которую я ухватилась.

– Спасибо, – сказала я. Затем крепко сжала его ладонь и дернула на себя так сильно, как только могла. Он потерял равновесие, завалился вперед и тут же оказался под водой, подняв в

воздух куда больше брызг, чем я. Мне кажется, что я в жизни еще так не смеялась, как в этот момент. Джереми и Стивен тоже хохотали. Мне кажется, что весь Казенс слышал наш смех.

Конрад быстро вынырнул и подплыл ко мне в два маха. Я боялась, что он разозлится, но, похоже, он не разозлился, точнее, не совсем. Он зловеще улыбался. Я увернулась от него.

– Не поймаешь, – сказала я. – Слишком медленно плывешь!

Как только он приближался ко мне, я отплывала.

– Марко, – выкрикнула я, хохоча.

Джереми и Стивен, направляющиеся к дому, подхватили:

– Поло!

Я засмеялась и снизила скорость, и Конрад поймал меня за ступню.

– Отпусти, – выдохнула я, смеясь.

Конрад покачал головой.

– А я-то думал, что я слишком медленный, – сказал он, подплывая ближе. Наша одежда промокла до нитки, и сквозь его белую футболку просвечивала золотистая кожа.

Внезапно между нами повисла странная тишина. Он все еще держал меня за ногу, а я пыталась держаться на поверхности. На секунду мне захотелось, чтобы Джереми и Стивен были еще здесь. Не знаю почему.

– Отпусти, – сказала я снова.

Он дернул меня за ногу, притягивая ближе. От того что я была так близко к нему, я чувствовала головокружение и дрожь. Я повторила свою просьбу в последний раз, уже сама не желая этого:

– Конрад, отпусти меня.

Он отпустил мою ногу. А потом окунул меня в воду. Но это уже было не важно – я успела задержать дыхание.

Глава 4

Сюзанна, извиняясь за то, что пропустила наше долгожданное прибытие, спустилась сразу после того, как мы переоделись в сухое. Она все еще была сонная, и волосы у нее были примяты с одной стороны, совсем как у ребенка. Сперва она крепко обняла маму. Та была так рада ее видеть, что даже прослезилась, хотя она никогда не плакала.

Потом настала моя очередь. Сюзанна обхватила меня руками так крепко и так надолго, что я уже начала задумываться, сколько еще будет длиться это объятие и кто из нас должен первым отступить.

– Ты похудела, – сказала я ей, отчасти потому, что это было правдой, и еще потому, что я знала, как ей нравилось это слышать. Она все время сидела на диетах и следила за тем, что ест. Я всегда считала ее идеальной.

– Спасибо, дорогая, – сказала Сюзанна и наконец отпустила меня, рассматривая теперь на расстоянии вытянутой руки. Она покачала головой и спросила: – Когда ты успела вырасти? Когда ты успела превратиться в такую прекрасную девушку?

Я застенчиво улыбнулась, довольная тем, что парни были наверху и не слышали этого.

– Я выгляжу так же, как и раньше.

– Ты всегда была хорошенькой, но, дорогая, посмотри на себя. – Она покачала головой так, будто восхищалась мной и никак не могла насмотреться. – Ты такая красивая, такая красивая. Это лето будет у тебя изумительным, просто восхитительным. Оно будет незабываемым для тебя.

Сюзанна всегда говорила так уверенно, что ее слова звучали как официальное заявление, и казалось, что все будет именно так, как она сказала.

Сюзанна действительно оказалась права. Это лето я никогда не забуду. Этим летом все началось. Этим летом я стала красивой, потому что сама впервые почувствовала это. Я имею в виду свою привлекательность. Раньше я представляла ее себе по-другому. Но все меняется. И этим летом все изменилось. Я изменилась.

Глава 5

На ужин в первый вечер всегда было одно и то же блюдо: большущая кастрюля ароматного буйабеса, который Сюзанна готовила, ожидая нашего приезда. Она клала туда как можно больше креветок, крабовых ножек и кальмаров – она знала, как я люблю кальмары. Даже когда я была маленькой, я вылавливала кальмары и оставляла напоследок. Сюзанна ставила кастрюлю посередине стола рядом с хрустящими французскими багетами из ближайшей пекарни. У каждого была глубокая тарелка, и весь ужин мы обслуживали себя сами. Сюзанна и мама всегда пили красное вино, а мы виноградную фанту, но этим вечером у всех стояли бокалы.

– Мне кажется, что все уже достаточно взрослые, чтобы выпить, как ты думаешь, Лорел? – спросила Сюзанна, когда мы сели.

– Ну, я даже не знаю, – начала мама, но потом остановилась. – О, Бек, конечно. Хорошо. Я такая старомодная.

Сюзанна рассмеялась и откупорила бутылку.

– Ты? Ничего подобного, – сказала она, наливая всем немного вина. – Этот вечер особый. Первый вечер лета.

Конрад выпил свое вино в два глотка. Он пил так, будто уже привык к этому. Думаю, что за минувший год многое могло произойти.

Затем он сказал:

– Мам, это не первый вечер лета.

– Конечно же первый. Лето начинается только с приездом наших друзей, – улыбнулась Сюзанна, протягивая руки над столом и беря наши с Конрадом ладони в свои.

Он отдернулся от нее, почти случайно. Казалось, что Сюзанна не заметила, но я видела. Я всегда замечала все, что касалось Конрада.

Джереми, должно быть, тоже заметил, потому что он сменил тему разговора.

– Белли, взгляни на мой шрам, – сказал он, задирая рубашку. – Я забил сегодня три гола. – Джереми играл в футбол и гордился шрамами, полученными на поле.

Я наклонилась ближе, чтобы получше разглядеть, и увидела длинный шрам, который только начинал заживать. Понятно было, что он работает над собой. Его живот был плоским и упругим, не таким, как прошлым летом. Джереми стал мускулистей брата.

– Вот это да! – сказала я.

Конрад фыркнул.

– Просто Джер хочет покрасоваться своим мускулистым торсом, – сказал он, отламывая кусочек хлеба и макая его в тарелку. – Но почему бы тебе не показать всем нам, а не только Белли?

– Да, Джер, покажи нам, – ухмыльнулся Стивен.

Джереми ответил ему такой же ухмылочкой. А Конраду он сказал:

– Ты просто завидуешь, потому что сам бросил тренировки.

Конрад бросил футбол? Вот это новость.

– Конрад, дружище, ты бросил футбол? – спросил Стивен. Похоже, он тоже впервые об этом слышал. Конрад действительно очень хорошо играл. Сюзанна присылала нам по почте газетные вырезки о его достижениях. Последние два года они с Джереми вместе были в команде, но Конрад был настоящей звездой.

Конрад равнодушно пожал плечами. Его волосы, так же как и мои, все еще были влажными после бассейна.

– Стало скучно, – сказал он.

– Он имеет в виду, что это он стал скучным, – уточнил Джереми.

А потом он встал и снял рубашку.

– Неплохо, да?

Сюзанна засмеялась, запрокинув голову, наша мама сделала то же самое.

– Садись, Джереми, – сказала она, потрясая перед ним багетом, словно мечом.

– Ну, что ты думаешь, Белли? – спросил он у меня и посмотрел так, будто подмигивает мне, хотя ничего подобного не делал.

– Неплохо, – согласилась я, пытаюсь не улыбнуться.

– Теперь твоя очередь красоваться, Белли, – усмехнулся Конрад.

– Белли совершенно не обязательно красоваться. Мы и так прекрасно видим, какая она очаровательная, – сказала Сюзанна, потягивая вино и улыбаясь мне.

– Очаровательная? Ага, конечно, – сказал Стивен. – Это очаровательная заноза в моей заднице.

– Стивен, – предостерегла мама.

– Что? Что я такого сказал?

– Стивен слишком похож на свинью, чтобы разбираться в понятии «очарование», – съязвила я и толкнула хлеб в его сторону. – Хрю, хрю, Стивен. Возьми еще хлебушка!

– А вот и возьму. – Он отломил хрустящий кусочек.

– Белли, расскажи нам о своих прекрасных подружках, с которыми ты меня познакомишь, – сказал Джереми.

– Разве мы это еще не проходили? – спросила я. – И не говори, что ты уже забыл о Тейлор Золотко?

Все, даже Конрад, разразились смехом.

У Джереми порозовели щеки, но он тоже смеялся, качая головой.

– Белли, ты плохая девочка, – сказал он. – В загородном клубе полно симпатичных девушек, поэтому обо мне не беспокойся. Побеспокойся о Конраде. Он упускает такую возможность.

Поначалу они оба – Джереми и Конрад – планировали устроиться спасателями в загородный клуб, в котором Конрад уже работал прошлым летом. Теперь же, когда и Джереми достиг подходящего возраста, чтобы работать с братом, Конрад в последнюю минуту передумал и решил обслуживать столики в модном морском ресторанчике.

Мы часто туда ходили. Для детей до двенадцати лет у них было специальное предложение на двадцать долларов. Настало время, когда только я осталась в категории «до двенадцати». Мама всегда напоминала официанту, что мне меньше двенадцати. Каждый раз, когда она это делала, мне хотелось провалиться сквозь землю. Мальчики не обращали на это внимания, хотя могли бы, но я чувствовала себя другой, лишней и ненавидела себя за это. Меня раздражало, что мне указывают на мой возраст. А я всего лишь хотела быть такой же, как они.

Глава 6

10 лет

С самого начала мальчики были единым целым. Конрад был в их компании за главного. Его слово считалось законом. Стивен был его правой рукой, а Джереми – шутком. В ту первую ночь Конрад решил, что они втроем отправятся спать на берег в спальных мешках и разведут костер. Он участвовал в бойскаутских походах и поэтому все знал о таких вещах.

Я с завистью смотрела, как они собирались в поход. Особенно когда они упаковывали крекеры и зефир. Мне хотелось сказать им: «Не берите всю коробку». Но я не сказала, все-таки я была не у себя дома.

– Стивен, проверь, взял ли ты фонарик, – распорядился Конрад. Стивен поспешно кивнул. До этого я никогда не видела, чтобы он выполнял чьи-либо распоряжения. Он уважал Конрада, тот был старше его на восемь месяцев; и так было всегда.

Все, кроме меня, были чем-то заняты. Мне захотелось оказаться у нас дома, надеть вместе с папой фруктовых ирисок и сразу же съесть их, сидя на полу нашей гостиной.

– Джереми, не забудь карты, – добавил Конрад, сворачивая спальный мешок.

Джереми отдал ему честь и станцевал джигу, отчего я захихикала.

– Сэр, есть, сэр! – Он повернулся ко мне, сидящей на диване, и сказал: – Конрад такой же командир, как наш папа. Но не думай, что ты должна слушаться его и подчиняться.

Оттого что Джереми заговорил со мной, я осмелела и спросила:

– А мне можно пойти?

Стивен сразу же ответил:

– Нет. Только парни. Так ведь, Конрад?

Конрад замешкался.

– Прости, Белли, – сказал он, и действительно в течение целой секунды на его лице было сожаление. Или даже двух секунд. А потом вернулся к своему спальному мешку.

Я отвернулась к телевизору.

– Все в порядке. Мне, в общем-то, все равно.

– О, посмотрите-ка, Белли сейчас заплачет, – съязвил Стивен. А Джереми и Конраду он сказал: – Когда что-то делают не по ее сценарию, она начинает реветь, и папа всегда ведется на это.

– Заткнись, Стивен! – воскликнула я. Я боялась, что действительно могу заплакать. Последнее, что мне было нужно, это стать плаксой в первый же вечер. И тогда они больше никогда и никуда меня не возьмут.

– Белли сейчас заплачет, – проговорил Стивен нараспев и вместе с Джереми начал отплясывать джигу.

– Оставьте ее в покое, – сказал Конрад.

Стивен перестал танцевать.

– А что? – спросил он в замешательстве.

– Парни, вы все-таки еще такие глупые, – сказал он, качая головой.

Я смотрела, как они собирали вещи и уже готовились уходить. Шансы пойти с ними, быть в их компании, таяли на глазах. И вдруг я выпалила:

– Стивен, если ты не возьмешь меня с собой, я расскажу маме.

Стивен скривился:

– Нет, не расскажешь. Мама терпеть не может, когда ты ябедничаешь.

Это было правдой, мама не любила, когда я ябедничала на Стивена в таких случаях. Она бы сказала, что ему нужно развеесться, что я могу пойти в следующий раз и к тому же с ней и Бек мне будет веселее.

Я опустилась на диван, скрестив руки на груди. Я только что упустила свой шанс. И в итоге выглядела как ябеда и маленький ребенок.

На пути к двери Джереми повернулся и станцевал мне джигу. Я не смогла ничего с собой поделать и засмеялась. А Конрад обернулся и сказал:

– Спокойной ночи, Белли.

Вот так я и влюбилась.

Глава 7

Я не сразу заметила, что Фишеры богаче, чем мы. Дом на берегу не был чем-то из ряда вон выходящим. Честное слово, это был обычный дом – жилой и удобный. Там были вылинявшие полосатые диваны, и скрипучее раскладное кресло (за право посидеть на котором мы, когда были совсем маленькими, вели ожесточенные бои), и облупившаяся краска, и деревянные полы, отбеленные временем и солнцем.

Но дом был большим, места хватало на всех, и даже больше. Несколько лет назад они пристроили к дому еще несколько комнат. В одном конце находились комнаты мамы, Сюзанны и мистера Фишера и пустая гостевая комната. В другом конце дома была моя спальня, еще одна гостевая и комната, которую делили мальчики, чему я завидовала. У них были двухъярусные кровати, и я очень расстраивалась, что мне приходилось спать в одиночестве, в то время как из их комнаты всю ночь слышались хихиканье и шепот. Пару раз мальчики разрешали мне ночевать с ними, но это было только тогда, когда они хотели рассказать особо страшную историю. Я была хорошим слушателем и всегда вскрикивала в нужный момент.

Когда мы повзрослели, мальчики расселились по разным комнатам. Стивен стал останавливаться в родительской части дома, а Джереми и Конрад заняли спальни рядом с моей. Ванная у нас с самого начала была общей. Одна находилась в нашей части дома, у мамы была своя, а дверь в ванную Сюзанны вела прямо из ее спальни. В нашей ванной были две раковины, одну делили Джереми и Конрад, а другая была у нас на двоих со Стивеном.

Когда мы были маленькими, мальчики никогда не опускали сиденье на унитазе, и сейчас ничего не изменилось. Это постоянно напоминало мне о том, что мы разные, что я не была одной из них. Тем не менее кое-что стало другим. Обычно после них в ванной везде стояли лужи либо от их водяных сражений, либо просто потому, что они были неаккуратными. Сейчас они начали бриться, и к лужам прибавилась щетина, которая постоянно оставалась на раковине. Их полочка была заставлена разными дезодорантами, кремами для бритья и одеколонами.

У них было много одеколонов, а у меня всего один розовый флакончик французских духов, которые папа подарил мне на Рождество, когда мне было тринадцать. Они сладко пахли ванилью и лимоном. Я думаю, что их выбирала его подруга-аспирантка. Папа не разбирался в таких вещах. Во всяком случае, я не хранила свои духи среди их многочисленных пузырьков. Они стояли на туалетном столике в моей комнате, и я никогда ими не пользовалась. Честно говоря, даже не знаю, зачем я вообще брала их с собой.

Глава 8

После обеда я осталась на первом этаже на диване, а Конрад уселся напротив с гитарой. Он сидел, склонив голову, перебирая аккорды.

– Я слышала, у тебя есть девушка, – сказала я. – Говорят, у вас все серьезно.

– У моего брата слишком длинный язык. – За месяц до того как мы приехали в Казенс, Джереми позвонил Стивену. Пока они разговаривали, я стояла за дверью спальни брата и подслушивала. Стивен практически все время молчал, но мне показалось, что разговор у них был серьезный. Лишь только он положил трубку, я ворвалась в его комнату и засыпала брата вопросами. Стивен обозвал меня любопытной мелкой шпионкой, но, в конце концов, сказал, что у Конрада появилась девушка.

– И какая она? – спросила я, не глядя Конраду в глаза. Я боялась, что он может заметить мой преувеличенный интерес.

Конрад прокашлялся.

– Мы расстались, – сказал он.

У меня перехватило дыхание, сердце подпрыгнуло в груди.

– Твоя мама права, ты сердцеед.

Я хотела пошутить, но мои слова прозвучали как обвинение.

Он вздрогнул.

– Это она порвала со мной, – проговорил он ничего не выражающим голосом.

Я и подумать не могла, что кто-то может порвать с Конрадом. Мне стало интересно, какой она была, и я тут же представила себе неотразимую красотку.

– Как ее звали?

– Какое это имеет значение? – спросил он грубо. А потом ответил: – Обри. Ее зовут Обри.

– Почему она с тобой порвала? – Я ничего не могла поделать с собой, я была слишком любопытна. Какой же была эта девушка? Я представляла ее бледной блондинкой с бирюзовыми глазами, из тех, у кого всегда идеальные кутикулы и аккуратные ногти овальной формы. Мне приходилось коротко стричь свои для того, чтобы играть на пианино, и даже когда я бросила, все равно обрезала ногти под корень, потому что привыкла к такой длине.

Конрад положил гитару и угрюмо уставился в пространство.

– Она сказала, что я изменился.

– Это правда?

– Не знаю. Все меняются. И ты изменилась.

– Как я изменилась?

Он пожал плечами и снова взялся за гитару.

– Я же сказал, все меняются.

Конрад начал играть на гитаре еще в средней школе. Я терпеть не могла, когда он играет. Он сидел и бренчал, практически не обращая ни на что внимания, и вид у него был отсутствующий. Он напевал себе под нос, и его мысли витали где-то далеко. Мы смотрели телевизор или резались в карты, а он бренчал на гитаре. Или запирался в своей комнате и бренчал там. Я не знаю, для чего, но из-за этого он проводил с нами гораздо меньше времени.

– Послушай, – сказал он однажды, протягивая мне наушник. Другой оставался у него, и мы касались друг друга головами. – Потрясающе, правда?

Это были *Pearl Jam*. Конрад был так счастлив, так восхищен ими, будто сам их открыл. Я ничего не знала об этой группе, но в тот момент я слышала лучшую песню из всех, когда-либо мною услышанных. Позже я купила их альбом *Ten* и слушала его на репите. И когда начинался трек *Black*, мне казалось, что этот момент повторяется снова и снова.

Когда лето закончилось и я вернулась домой, я сразу же отправилась в магазин, купила ноты и стала разучивать эту песню на пианино. Я думала, что когда-нибудь смогу аккомпанировать Конраду, и у нас будет что-то типа группы. Это было так глупо: в доме на берегу даже не было пианино. Конечно, Сюзанна купила бы его для меня, но мама такого ей никогда не позволила бы.

Глава 9

Ночью, когда я не могла заснуть, я прокрадывалась вниз по лестнице и шла к бассейну. Там я плавала по кругу до тех пор, пока не начинала чувствовать усталость. Когда я возвращалась в спальню, мускулы приятно побаливали и дрожали, но были расслаблены. Мне нравилось укутываться в васильковые купальные простыни Сюзанны, которая, собственно, и открыла для меня эту дивную вещь. Затем я, уже сонная, с влажными волосами, на цыпочках возвращалась в спальню. После купания я всегда крепко спала и прекрасно себя чувствовала.

Два года назад Сюзанна застала меня в бассейне, и несколько ночей мы плавали вместе. Наворачивая на глубине круги, я чувствовала, как она ныряет в воду и плывет мне навстречу. Мы даже не разговаривали, просто плавали, но было так приятно, что она рядом. Именно тогда, ночью в бассейне, я впервые увидела ее без парика.

Из-за химиотерапии она всегда носила парик. Без него ее никто не видел, даже моя мама. У Сюзанны были очень красивые волосы: каштановые, длинные, мягкие, как хлопок. Они не шли ни в какое сравнение с париком, даже несмотря на то, что он был из натуральных волос и очень дорого стоил. После химиотерапии, когда ее собственные волосы немного отросли, она стала делать короткую стрижку. Ей это шло, но ее шевелюра уже была не той, что прежде. Глядя на нее сейчас, сложно представить, что раньше у нее были длинные локоны, как у молодой девушки, прямо как у меня.

В ту первую ночь я не могла заснуть. Я всегда с трудом привыкала к своей постели, даже несмотря на то, что каждое лето проводила в ней много времени. Я крутилась и вертелась под одеялом и в итоге не смогла больше терпеть. Я надела свой старый спортивный купальник с золотистыми полосками, который жал мне со всех сторон. Это было первое мое ночное купание этим летом.

Когда я плавала ночью в одиночестве, все ощущалось иначе – четче. Я слышала свое дыхание, вдохи и выдохи, и благодаря этому становилась спокойнее, сильнее и увереннее, как будто могла плыть вечно.

Я несколько раз проплыла из одного конца в другой, но, когда заходила на четвертый круг, натолкнулась на что-то твердое. Я вынырнула и поняла, что это нога Конрада. Он сидел на краю бассейна, болтая ногами в воде.

Все это время он наблюдал за мной. А еще я обнаружила, что он курит.

Я стояла в воде до подбородка и очень жалела о том, что мой купальник был слишком тесным. Я никак не могла выйти из воды, пока он здесь.

– С каких пор ты куришь? – спросила я осуждающе. – И что ты вообще здесь делаешь?

– На какой вопрос мне ответить сперва?

Он смотрел на меня с той снисходительной улыбкой, которая сводила меня с ума.

Я подплыла к стенке бассейна и положила руки на край.

– На второй.

– Не мог уснуть и решил пройтись, – сказал он, пожимая плечами. Он лгал. Он вышел покурить.

– Как ты узнал, что я здесь? – спросила я.

– Ну же, Белли, ты каждую ночь здесь плаваешь. – И он затянулся сигаретой.

Неужели он знал о том, что я плаваю по ночам? Я всегда считала, что это мой секрет, о котором знает только Сюзанна. Мне стало интересно, как долго он знает об этом и в курсе ли кто-нибудь еще. Не могу сказать, какое это имело значение, но это было важно для меня.

– Ладно, а когда ты начал курить?

– Даже не помню. В прошлом году, наверное.

Он специально говорил неопределенно, и это раздражало меня.

– Тебе надо немедленно бросить. Зависимость уже развилась?

Он рассмеялся.

– Нет.

– Тогда брось. Я думаю, у тебя получится, если ты на этом сосредоточишься.

Я знаю, что стоит ему только захотеть, и он сможет все.

– А я, может, не хочу.

– Курение тебе только навредит. Ты должен бросить, Конрад.

– А что мне за это будет? – поддразнил он меня, держа сигарету над пивной банкой.

В воздухе вдруг что-то изменилось, он стал тяжелым, наэлектризованным, меня как будто поразило молнией. Я оттолкнулась от края бассейна и поплыла. Казалось, что прошла вечность, перед тем как я ответила.

– Ничего. Ты должен бросить сам для себя.

– Ты права, – сказал он и встал, потушив сигарету о край банки. – Спокойной ночи, Белли. Не задерживайся здесь слишком долго. Ты даже представить себе не можешь, какие монстры рыщут в темноте.

Все снова стало на свои места. Я брызнула в его сторону водой.

– Заткнись, – сказала я ему в спину. Давным-давно Конрад, Джереми и Стивен убеждали меня, что в этих краях бродит на свободе убийца, охотящийся на маленьких пухленьких девочек с темными волосами и серо-голубыми глазами.

– Постой! Так ты бросишь курить или нет? – крикнула я.

Вместо того чтобы ответить, он рассмеялся. Я видела это по тому, как затряслись его плечи, когда он закрывал ворота.

После того как он ушел, я перевернулась и поплыла на спине. Стук сердца отдавался в ушах. Оно билось очень быстро и громко. Конрад действительно изменился. Я почувствовала это еще во время завтрака, до того, как он рассказал мне об Обри. Да, он изменился, но то, что меня в нем восхищало, осталось. Все было как раньше, и мои чувства к нему тоже не изменились. Но я ощущала себя так, будто лечу вниз на американских горках.

Глава 10

– Белли, ты уже позвонила отцу? – спросила мама.

– Нет еще.

– Я думаю, что ты должна позвонить ему и сказать, что у тебе все хорошо.

Я закатила глаза.

– Сомневаюсь, что он сидит дома и думает обо мне.

– Тем не менее ты должна позвонить.

– А Стивена ты просила звонить? – воспротивилась я.

– Нет, – сказала она, повышая голос. – Стивен проведет с отцом две недели перед поездкой в колледж. А ты его не увидишь до конца лета.

Ну почему она такая рассудительная? Она всегда была такой. Даже развод с отцом у нее был взвешенным и обоснованным.

Мама встала и протянула мне телефон.

– Позвони папе, – сказала она, выходя из комнаты. Она всегда уходила, когда я звонила отцу, будто не хотела мне мешать. Будто я могла говорить с ним о чем-то таком, о чем она не должна была знать.

Я не стала ему звонить. Это он должен позвонить мне, а не я ему. Он отец, а я просто ребенок. И к тому же отцы не имели никакого отношения к нашему лету. Ни мой папа, ни мистер Фишер. Конечно, они могли приехать, но это место было не для них. Для них этот дом не значил столько, сколько значил для нас.

Глава 11

Мы играли в карты на веранде, мама и Сюзанна пили «маргариту» и играли в какую-то свою карточную игру. Солнце уже садилось, и скоро наши мамы должны были пойти в дом, чтобы варить кукурузу и готовить хот-доги. Но сначала они должны были доиграть.

– Лорел, почему ты зовешь маму Бек, хотя все остальные зовут ее Сюзанна? – поинтересовался Джереми. Они со Стивеном играли в одной команде и проигрывали. Джереми скучал во время карточных игр и поэтому искал другие занятия, например начинал болтать.

– Потому что ее девичья фамилия Бек, – объяснила мама, вынимая сигарету изо рта. Они с Сюзанной курили, только когда встречались летом, у них это был ритуал. Мама говорила, что так она чувствует себя моложе. Однажды я сказала ей, что курение убивает, но она просто отмахнулась и назвала меня паникершей.

– А что такое девичья фамилия? – спросил Джереми. Стивен шлепнул Джереми по руке, в которой были карты, чтобы вернуть его в игру, но тот проигнорировал.

– Это фамилия девушки, которую она носит до того, как выйдет замуж, придурок, – сказал Конрад.

– Следи за языком, Конрад, – автоматически сказала Сюзанна, сбрасывая карту.

– Но зачем девушки вообще должны менять свою фамилию? – поинтересовался Джереми.

– Вообще-то это не обязательно. Я, например, не поменяла. Мое имя Лорел Данн с самого рождения. Неплохо, правда? – Маме нравилось чувствовать это превосходство над Сюзанной. – Почему это я должна менять свою фамилию из-за какого-то мужчины? Тем более, что это не обязательно.

– Лорел, пожалуйста, замолчи. – Сюзанна бросила на стол несколько карт. – Джин.

Мама вздохнула и тоже бросила карты на стол.

– Я больше не хочу играть в «Джин». Давай поиграем во что-нибудь другое, ну хотя бы в «Рыбалку» с ребятами.

– Неудачница, – сказала Сюзанна.

– Мам, мы не играем в «Рыбалку», это «Червы», и ты не можешь играть, потому что ты всегда мухлюешь, – сказала я.

Я была в одной команде с Конрадом и была почти уверена, что мы выиграем. Я специально выбрала его себе в пару: он умел побеждать. Он быстрее всех плавал, лучше всех танцевал и всегда выигрывал в карты.

Сюзанна захлопала в ладоши и засмеялась.

– Лорел, эта девочка вся в тебя.

Мама ответила:

– Нет, Белли – папина дочка. – И они обменялись какими-то странными взглядами, а я спросила:

– Почему?

Но я заранее знала, что мама не ответит, уж она-то умела хранить секреты. Я и сама знала, что похожа на отца: у меня были его глаза, девчачья миниатюрная версия его носа, такой же выступающий подбородок. Все, что я взяла от мамы, – это руки.

Буквально через мгновение Сюзанна улыбнулась мне.

– Да, Белли, ты абсолютно права. Твоя мама любит мухлевать, особенно когда играет в «Червы». А тому, кто мухлюет, удача не сопутствует, дети.

Она всегда называет нас «дети», но делает это так, что я даже не возражаю. Я не люблю, когда меня называют ребенком, но слова Сюзанны не заставляют тебя чувствовать себя малень-

ким и несмысленным. Наоборот, когда она так говорит, я чувствую, что у нас впереди еще целая жизнь.

Глава 12

Мистер Фишер всегда появлялся неожиданно, когда у него была такая возможность. На день-другой в середине лета, чаще – в первую неделю августа. Он банкир, и, по его словам, вырваться к нам даже на короткое время почти невозможно. К тому же нам лучше без него. С приездом мистера Фишера я хожу по дому настороженно, и не только я. Кроме, конечно, Сюзанны и мамы. Примечательно, что мама знает его столько же, сколько и Сюзанна, – они вместе учились в колледже.

Сюзанна говорит, чтобы я звала его просто Адам, но я не могу. Это звучит как-то неправильно. Мне проще сказать мистер Фишер. Стивен так же его зовет. Я думаю, что-то в его внешности заставляет людей, и не только детей, так к нему обращаться. Мне кажется, что и ему так больше нравится.

В этот раз он должен приехать в пятницу вечером, прямо к ужину, и мы его ждем. Сюзанна приготовит его любимый напиток – виски «Мэйкерс Марк» с имбирем. Мама всегда смеется над тем, как она готовится к его приезду, но Сюзанна не обращает на это внимания. Кстати, она и мистера Фишера дразнит. А он дразнит ее в ответ. Наверное, слово «дразнит» здесь неуместно, скорее, это похоже на препирания. Они много спорят, но при этом всегда улыбаются. На них весело смотреть: мама и папа часто ссорились и никогда так много не улыбались.

Мне кажется, что для отца мистер Фишер слишком хорошо выглядит. По крайней мере, лучше, чем мой отец. Но зато он и тщеславнее. Возможно, он такой же привлекательный, как и Сюзанна, но я не могу никого с ней сравнивать, потому что люблю ее больше всех.

Мне иногда кажется, что в душе мы представляем себе какого-нибудь человека в тысячу раз красивее, чем он есть на самом деле, будто смотрим на него через особые линзы. Но, может быть, только так мы видим его по-настоящему.

Мистер Фишер всегда давал нам двадцатку, куда бы мы ни пошли. Конрад, как самый старший, отвечал за наличные.

– На мороженое, – говорил он. – Купите что-нибудь вкусненькое.

Конрад был от этого в восторге. Он просто обожал отца. Тот был для него героем. Во всяком случае, какое-то продолжительное время. Значительно дольше, чем это удастся другим людям. Мой отец перестал быть моим героем тогда, когда я увидела его с одной из его аспиранток после того, как они с мамой разъехались. Она даже не была симпатичной.

Конечно, легко винить во всем отца, но я считаю, что в их разводе виновата именно мама. Не понимаю, как она могла оставаться такой спокойной и безмятежной. Папа плакал, страдал, а она даже ничего не говорила. Наша семья распалась, и она просто смирилась с этим. Это было неправильно.

Когда мы тем летом вернулись домой, папа уже переехал, забрав свои шахматы, записи Билли Джоэла² и Клода.

Клод – это кот, преданный отцу, как никому другому. Хорошо, что он забрал его, но я все же расстроилась. Отсутствие кота я переживала намного тяжелее, чем отсутствие папы. Клод жил с нами так долго, что, казалось, весь наш дом – его собственность, и без него в нем было совсем пусто.

Папа отвел меня в ресторан и сказал:

² Джоэл, Билли (р. 1949) – американский автор-исполнитель песен и пианист, один из шести наиболее продаваемых артистов за всю историю США.

– Прости, что я забрал Клода. Скучаешь по нему? – Он отрастил бороду, и на ней остался соус от салата, и меня это раздражало. И его борода тоже – она была такой же отвратительной, как и обед.

– Нет, – ответила я. Я не могла поднять взгляд от тарелки лукового супа. – Это же твой кот.

Итак, папе достался кот, а маме – я и Стивен. Это всех устраивало. Большинство уикендов мы проводили с папой. Мы оставались в его новой квартире, которая всегда пахла плесенью, сколько бы ладана папа ни зажигал.

Я, как и мама, терпеть не могу ладан. Я постоянно чихаю от него. Думаю, папа чувствует свою независимость, зажигая в своей новой квартирке столько ладана, сколько ему хочется. Как только я вошла в квартиру, я сразу же спросила у него с осуждением:

– Опять ладан жег?

Неужели он забыл о том, что у меня аллергия?

Папа виновато признался, что действительно кое-что жег и что такое больше не повторится. Но он продолжает это делать. Он жжет его, когда меня там нет, а потом проветривает, но я все равно чувствую этот отвратительный запах.

В его квартире две спальни. Папа спит в своей, а я в другой, на маленькой двуспальной кровати с розовыми простынями. Стивен остается на раскладном диване, и я завидую ему, потому что он может в любое время смотреть телевизор. В моей комнате только кровать и комод, которым я почти не пользуюсь. Мои вещи лежат в одном ящике, а остальные всегда пустуют. Еще в комнате есть полки с книгами, которые папа купил для меня. Папа часто покупает мне книги. Он все надеется, что я стану такой же умной, как он, и полюблю чтение. Мне правда нравится читать, но не то, что он пытается подсунуть. Я не люблю научную литературу, по мне, так лучше романы. И я терпеть не могу эти розовые колючие простыни. Если бы он спросил меня, какой цвет я люблю, я бы сказала, что желтый, но никак не розовый.

И все же он пытается. По-своему, но пытается. Он даже купил подержанное пианино и втиснул его в столовую только ради меня, сказав, что теперь я могу заниматься, когда остаюсь у него. Но я практически не сажусь за инструмент, пианино расстроено, а у меня не хватает духу сказать ему об этом.

Это одна из причин, по которой я так жду лета. Летом мне не нужно оставаться в папиной маленькой унылой квартирке. Это не значит, что я не хочу с ним видеться, наоборот, я очень по нему скучаю. Но его квартира наводит на меня тоску. Мне хочется видеть его дома. В нашем родном доме. Хочется, чтобы все вернулось на свои места. Но теперь мы проводим все лето с мамой, а по возвращении отправляемся куда-нибудь с папой. Как правило, во Флориду, навестить бабушку. Мы зовем ее Бабуля. Эта поездка тоже грустная. Бабуля все время пытается убедить отца вернуться к маме, потому что она обожает ее.

– Ты говорил с Лорел? – интересовалась она у папы спустя месяцы после развода.

Я терпеть не могу то, что бабуля постоянно напоминает ему об этом; ведь все произошло не по его воле. Это мама ушла от него, и это было унижительно. Я знаю, что именно она подала на развод и ускорила весь процесс. Думаю, папа был бы не против остаться жить в нашем двухэтажном домике с Клодом и всеми своими книгами.

Однажды он процитировал мне слова Уинстона Черчилля о России, что она – «загадка, завернутая в тайну и погруженная в неизвестность». Но если послушать папу, Черчилль говорил о нашей маме. Это было еще до развода, и папа сказал это горько, но с уважением. Даже когда он злился на маму, он восхищался ею.

Я думаю, что он должен был остаться с ней навсегда и попытаться разгадать ее тайну. Ему нравится разбираться в загадках, теориях, теоремах. Икс у него всегда чему-нибудь равен, икс не может быть просто иксом.

Я не считаю маму загадочной. Для меня она всегда была благоразумна и уверена в себе, но не загадочнее стакана воды. Она всегда знает, чего хочет и чего не хочет. А не хотела она продолжать жить вместе с папой. Я не уверена, разлюбила ли она его, или вообще никогда не была влюблена.

Когда мы уезжаем к бабушке, мама тоже куда-нибудь отправляется. В такие далекие края, как, например, Венгрия или Аляска. Она всегда ездит одна и много фотографирует, но я никогда не просила показать мне эти фотографии, а она никогда не спрашивала, хочу ли я их посмотреть.

Глава 13

Я сидела в садовом кресле, ела тост и читала журнал, когда мама опустилась рядом со мной. Лицо ее было серьезно, и в глазах читался тот целеустремленный взгляд, с каким она обычно проводила со мной воспитательные разговоры. Я едва терпела эти разговоры, как едва терпела месячные.

– Чем собираешься сегодня заняться? – спросила она как бы невзначай.

Я проглотила последний кусочек тоста.

– Этим.

– Может, тебе стоит начать читать летний список литературы для подготовительных курсов? – сказала мама, смахивая крошки с моего подбородка.

– Да, как раз хотела этим заняться, – ответила я, хотя еще даже не думала об этом.

Мама откашлялась и вдруг спросила меня:

– Конрад принимает наркотики?

– Что?

– Конрад принимает наркотики?

Я чуть не поперхнулась.

– Нет! И почему ты спрашиваешь у меня? Конрад не общается со мной. Спроси у Стивена.

– Я уже спрашивала. Он сказал, что не знает, а Стивен не станет врать, – сказала она, вглядываясь мне в лицо.

– Ну, я бы тоже не стала бы врать!

Мама вздохнула.

– Я знаю. Просто Бек беспокоится. Его поведение изменилось. И еще он бросил футбол...

– А я бросила танцы, – сказала я, закатив глаза. – И ты еще ни разу не видела меня, бегающую с косячком в зубах.

Мама поджала губы.

– Пообещай, что расскажешь мне, если что-то узнаешь.

– Ну, я даже не знаю... – проговорила я. Мне вовсе не нужно было ей ничего обещать. Я прекрасно знала, что никаких наркотиков Конрад не принимает. Одно дело пиво, но уж точно не наркотики. Я бы могла даже своей жизнью поклясться.

– Белли, это серьезно.

– Мам, успокойся. Он не принимает наркотики. И когда ты успела поступить на службу в наркоконтроль? О чем еще хочешь поговорить? – Я, улыбаясь, подтолкнула ее плечом.

Она едва сдержала улыбку и покачала головой:

– Перестань.

Глава 14

13 лет

Поначалу они думали, что мы ничего не понимаем. С их стороны это было действительно глупо, потому что это была одна из тех редких ночей, когда мы все находились дома. Мы расположились в гостиной. Конрад слушал музыку в наушниках, Джереми и Стивен играли в видеоигру. Я сидела в глубоком уютном кресле и читала «Эмму», не столько потому, что она мне нравилась, а потому, что с такой книгой на коленях я выглядела умной. Если бы я действительно хотела почитать, то закрылась бы в своей комнате с «Цветами на чердаке»³ или с какой-нибудь другой книгой, но уж точно не с Джейн Остин.

Кажется, Стивен первым почувствовал. Он обернулся, принялся, как это делают собаки, и сказал:

– Вы чувствуете этот запах?

– Я же говорил тебе, что не надо съедать всю печеную фасоль, – сказал Джереми, не отрывая взгляда от экрана телевизора.

Я хихикнула. Хотя это было вовсе не то, что имел в виду Джереми, я тоже почувствовала этот запах.

– Это марихуана. – Мне хотелось первой сказать об этом, чтобы показать, какая я опытная и всезнающая.

– Не может быть, – поразился Джереми.

Конрад снял наушники и сказал:

– Белли права. Это марихуана.

Стивен поставил игру на паузу и повернулся, чтобы посмотреть на меня.

– Белли, откуда ты знаешь, как пахнет марихуана? – спросил он с подозрением.

– О, Стивен, да потому что я постоянно под кайфом, я же полный укур. – Я терпеть не могла, когда Стивен изображал старшего брата, особенно в присутствии Конрада и Джереми. Мне казалось, что он специально делал это для того, чтобы я почувствовала себя маленькой.

Он проигнорировал мои слова.

– Этот запах идет сверху?

– Это от мамы, – сказал Конрад, снова надевая наушники, – из-за химии.

Оказывается, Джереми не знал. Он ничего не сказал, но по тому, как он начал чесать шею, по тому, как был растерян, было заметно, что он не в своей тарелке, он пребывал в полном замешательстве от услышанного. Мы со Стивеном переглянулись, нам стало ужасно неловко. Мы знали о болезни Сюзанны, но были лишь сторонними наблюдателями, и порой, не представляя, что сказать, мы просто молчали. В основном так же поступал и Джереми, мы просто делали вид, что ничего не происходит.

Мама, конечно, не молчала. Она воспринимает действительность такой, какая она есть. Сюзанна говорит, что с нашей мамой она чувствует себя лучше. Действительно, той хорошо удается успокаивать людей, с ней можно почувствовать себя в безопасности. Как будто, пока она рядом, ничего плохого не случится.

Сюзанна с мамой спустились вниз немного позже, обе хихикали, словно подростки, нашедшие родительский бар. Мама – это было заметно – тоже воспользовалась тайничком Сюзанны. Мы со Стивеном снова обменялись взглядами, на этот раз шокированные. Мы с ним

³ «Цветы на чердаке» (англ. *Flowers in the Attic*) – первая книга американской писательницы Вирджинии Эндрюс из серии «Доллангенджеры» в жанре семейной саги.

искренне считали, что мама была последним человеком на Земле, кто закурил бы марихуану, кроме, конечно, бабушки Грэн, маминой мамы.

– Ребята, вы съели все кукурузные чипсы? – спросила мама, роясь в шкафу. – Я умираю от голода.

– Да, – сказал Стивен. Он даже смотреть на нее не мог.

– А картофельных не хочешь? Пойди, возьми пачку, – предложила Сюзанна, подходя к моему креслу. Она погладила меня по волосам. Обожаю, когда она так делает. Сюзанна намного нежнее мамы в подобных делах и всегда называет меня дочкой, которой у нее нет. Она любит опекать меня и заботиться, а мама, так же как и я, не возражает.

– Ну что, ты уже полюбила «Эмму»? – Сюзанна имела талант разговаривать так, что тебе начинало казаться, что ты самый важный и интересный человек из всех присутствующих.

Я было открыла рот, чтобы солгать, каким интересным считаю этот роман, когда Конрад громко сказал:

– За час она не перевернула ни одной страницы.

На нем все еще были наушники.

Я бросила на него свирепый взгляд, но в глубине души была поражена тем, что он это заметил. На этот раз *он* все же смотрел на *меня*. Но, конечно, Конрад заметил бы, Конрад все замечает. Он даже может заметить, что у соседской собаки в правом глазу больше наглости, чем в левом, или то, что доставщик пиццы в прошлый раз был на другой машине. Конрад заметил, чем я занималась, не потому, что обратил на меня внимание; это была всего лишь констатация факта.

– Тебе понравится, как только ты вникнешь в происходящее, – заверила меня Сюзанна, убирая мне челку со лба.

– Мне всегда требуется время, чтобы вчитаться, – проговорила я тоном, которым просят прощения. Мне не хотелось расстраивать Сюзанну, ведь именно она посоветовала мне эту книгу.

Мама вернулась в комнату с пакетиком тянучек и полупустой пачкой чипсов. Она кинула Сюзанне конфеты и запоздало крикнула:

– Лови!

Сюзанна попыталась поймать, но не успела, и конфета упала на пол. Сюзанна снова захихикала, наклонившись за ней.

– Какая же я неуклюжая, – посетовала она, закусывая длинную конфету зубами, будто это была соломинка. – Что же это на меня нашло?

– Мам, все знают, что вы курили наверху, – сказал Конрад, слегка покачивая головой в ритм музыке, которую мог слышать только он.

Сюзанна прикрыла ладонью рот. Она молчала, но было заметно, что она крайне расстроена.

– Упс, – сказала мама. – Бек, кажется, мы попались. Мальчики, ваша мама курила медицинскую марихуану, чтобы справиться с тошнотой после химиотерапии.

Стивен, не отрывая взгляда от телевизора, спросил:

– А ты, мам? Ты тоже курила марихуану из-за химиотерапии?

Я знала, что так он пытался поднять всем настроение, и это сработало. Он хорошо умел это делать.

Сюзанна выдавила смешок, а мама бросила конфету прямо в затылок Стивену.

– Остряк! Я морально поддерживаю свою лучшую подругу. Люди делают вещи и похуже.

Стивен поднял конфету и сдул с нее пыль, прежде чем положить ее в рот.

– Так значит, ты не будешь возражать, если я тоже буду курить?

– Только если у тебя будет рак груди, – сказала мама, обмениваясь взглядом со своей лучшей подругой.

– Или у твоего лучшего друга, – добавила Сюзанна.

За все это время Джереми не проронил ни слова. Он смотрел то на Сюзанну, то снова в телевизор, словно боялся, что если надолго отвернется, она может раствориться в воздухе.

Позже, вечером, когда мамы думали, что мы отправились на пляж, мы с Джереми, заскучав, решили вернуться в дом перекусить чего-нибудь. Поднимаясь на веранду, мы услышали их разговор через открытое окно.

Джереми остановился, услышав голос Сюзанны.

– Лор, знаешь, я ненавижу себя даже за такие мысли, но я скорее умру, чем лишусь груди. Джереми остановился и тяжело вздохнул. Потом сел, и я опустилась рядом с ним.

– Я уверена, что ты так не думаешь, – сказала мама.

Я терпеть не могу, когда мама так говорит, и, похоже, Сюзанне тоже это не понравилось, потому что она ответила:

– Не говори, будто знаешь, о чем я думаю.

Я еще никогда не слышала, чтобы она говорила так – злобно и резко.

– Хорошо, хорошо, не буду.

И тут Сюзанна заплакала. Хотя мы их не видели, я знала, что мама гладит ее спине круговыми движениями, так же как всегда гладила меня, когда я была расстроена.

Мне хотелось сделать то же для Джереми. Я думаю, что ему стало бы от этого легче, но я не могла. Вместо этого я взяла его руку и крепко сжала в своей. Он даже не посмотрел на меня, но руку не убрал. Именно тогда мы стали настоящими друзьями.

А потом мы услышали, как мама сказала своим самым серьезным и невозмутимым тоном:

– У тебя действительно чертовски красивые сиськи.

Сюзанна разразилась смехом, похожим на лай морских котиков. Она одновременно смеялась и плакала. Все становилось на свои места. Если мама сквернословила, а Сюзанна смеялась, все было в порядке.

Я отпустила руку Джереми и встала. Он последовал моему примеру. Мы молча побрели обратно на пляж. Да и о чем мы вообще могли говорить в тот момент? «Мне жаль, что у твоей мамы рак?» «Я надеюсь, что она не потеряет грудь?»

Мы вернулись на пляж, когда Конрад и Стивен только вышли из воды с досками для серфинга. Мы до сих пор еще не разговаривали, и Стивен это заметил. Я думаю, что и Конрад заметил, но ничего не сказал. Стивен спросил:

– Что с вами, ребята?

– Ничего, – сказала я, подтянув колени к груди.

– Может, вы впервые целовались или типа того? – сказал он, выжимая купальные шорты прямо мне на ноги.

– Заткнись, – ответила я ему. Мне хотелось сдернуть с него эти шорты, только бы сменить тему. Прошлым летом мальчишки просто помешались, сдергивая друг с друга штаны в общественных местах. Я никогда в этом не участвовала, но в тот момент мне ужасно хотелось это сделать.

– О, я знал, – сказал брат, тыча меня в плечо. Я отмахнулась от него и снова посоветовала ему заткнуться.

– Эта любовь свела меня с ума, эта любовь так неожиданно пришла...

– Стивен, не будь придурком, – сказала я, качая головой и закатывая глаза на пару с Джереми.

Тот встал, отряхнул шорты от песка и зашагал от нас в сторону океана.

– Джереми, дружище, что на тебя нашло? Я же просто пошутил, – окликнул его Стивен. Тот даже не оглянулся, просто продолжал идти по берегу. – Ну чего ты!

– Оставь его в покое, – сказал Конрад. Они с братом никогда не были особо близки, но иногда очень хорошо понимали друг друга, и это был один из таких случаев. Конрад оберегал Джереми, заботился о нем, и от одного этого вида в моей груди поднялась и захлестнула меня волна любви к этому парню. Позже я почувствовала вину оттого, что меня угораздило влюбиться в Конрада, как раз когда у Сюзанны обнаружили рак.

Стивен был смущен и растерян. Такое поведение было совершенно не в духе Джереми. Обычно он первым начинал смеяться и шутить в ответ.

А мне еще захотелось подсыпать соли ему на раны.

– Ты такая задница, Стивен.

Брат уставился на меня.

– Блин, ну в чем я-то виноват?

Я проигнорировала его и улеглась на полотенце, закрыв глаза. Мне хотелось надеть наушники Конрада и забыть этот день, будто его никогда не было.

Джереми отказался и от ночной рыбалки, на которую собрались Конрад и Стивен, хотя и любил рыбачить ночью. Он всегда пытался уговорить кого-нибудь пойти вместе с ним. Но тем вечером он сказал, что не в настроении. Они ушли, а я осталась с Джереми. Мы смотрели телевизор и играли в карты. Мы провели так большую часть того лета, только я и он. Наша дружба стала крепче. Иногда он будил меня рано утром, и мы шли на пляж собирать ракушки и песчаных крабов или отправлялись на велосипедах за три мили, чтобы купить мороженого. Наедине со мной он не сыпал шутками как обычно, но все же оставался тем же самым Джереми.

Тем летом я почувствовала, что он мне ближе, чем мой собственный брат. Джереми был лучше. Может быть, потому, что он тоже был чьим-то младшим, а может быть, просто потому, что такой уж у него характер. Он славный парень, и все его любят, у него талант – с ним всегда спокойно и хорошо.

Глава 15

Дождь лил уже три дня подряд. На третий день к четырем часам Джереми начал сходить с ума. Он не мог усидеть на месте, он всегда куда-то стремился, находится в поисках чего-нибудь нового. В итоге он сказал, что больше так не выдержит, и спросил, пойдет ли кто-нибудь с ним в кино. Помимо кинотеатра под открытым небом, в Казенсе был еще один, в торговом центре.

Конрад сидел в своей комнате и, когда Джереми поднялся позвать его, отказался. Он проводил ужасно много времени в одиночестве, и я знаю, что Стивена это ранило. Скоро он должен уехать с папой по колледжам, а Конрада, похоже, это не волновало. Если он был не на работе, то перебирал струны своей гитары или слушал музыку.

В итоге мы пошли в кино вдвоем. Я уговорила их пойти на романтическую комедию о парочке собачников, которые выгуливали в одном и том же месте своих питомцев и постепенно влюбились друг в друга. Это был единственный фильм, который можно было посмотреть сразу, другие сеансы начинались только через час. Буквально через пять минут после начала фильма Стивен встал.

– Я больше не могу это смотреть, – с отвращением сказал он. – Джер, ты идешь?

Джереми ответил:

– Не, я останусь с Белли.

Стивен был удивлен. Он пожал плечами:

– Что ж, ребята, подожду вас снаружи.

Я тоже удивилась, потому что фильм был *действительно* отвратительным.

Вскоре после того, как Стивен ушел, прямо передо мной сел здоровенный парень.

– Давай поменяемся местами, – предложил Джереми.

Я подумала о том, чтобы из вежливости сказать, что все в порядке, но решила, что это все-таки Джереми, и мне не обязательно отказываться от его предложения. Я поблагодарила его, и мы поменялись местами. Чтобы видеть экран, Джереми все время приходилось наклонять голову вправо, наваливаясь на меня. Его волосы пахли дорогим шампунем Сюзанны с экстрактом азиатской груши. Это было забавно: крупный высокий футболист, а пахнет от него так сладко. Каждый раз, когда он наклонялся, я вдыхала аромат его волос. Хотела бы я, чтобы и мои волосы пахли так же.

Посреди фильма Джереми внезапно исчез. Несколько минут его не было. Вернувшись, он принес большой стакан содовой и упаковку жевательных конфет.

Я потянулась к напитку, но оказалось, что он не захватил трубочек.

– Ты забыл трубочки, – сказала я с досадой.

Вместо ответа он открыл упаковку с конфетами и, вытащив две, опустил их в стакан, гордо и широко улыбаясь. А я совсем забыла, что мы часто делали соломинки из жевательных конфет.

Мы потягивали содовую из одного стакана, прямо как в рекламе пятидесятых, склонив головы так, что наши лбы почти соприкасались. Люди вокруг, наверное, думали, что у нас свидание.

Джереми смотрел на меня и улыбался так, как может только он, когда мне в голову вдруг пришла сумасшедшая мысль. *Джереми Фишер хочет поцеловать меня!*

Эта мысль была просто безумной. Это же был Джереми. Он никогда не смотрел на меня как на девушку. А что до меня, то мне нравился только Конрад, даже когда он в плохом настроении или его вообще не было рядом, как, например, сейчас. Конрад был для меня единственным, и я никогда не воспринимала Джереми иначе как его младшего брата. И для Джереми я всегда была подругой, той, с кем он мог смотреть фильмы, делить ванную комнату и делиться секретами. Я не была той, кого он мог поцеловать.

Глава 16

14 лет

Знаю, с моей стороны было глупостью позвать с собой Тейлор. Я это знала, но все же пригласила ее. Мальчики из нашего класса называли ее Золотко, а она делала вид, что терпеть этого не может, хотя на самом деле ей это нравилось.

Тейлор любила повторять, что когда я возвращалась после летних каникул, ей приходилось возвращать меня к жизни. Она будила во мне желание продолжать мою обычную жизнь в школе, общаться с парнями из класса и подругами. Она старалась познакомить меня с самым симпатичным другом парня, с которым она встречалась на тот момент. В конце концов, я начинала смиряться с этим: мы ходили в кино, в кафе, но мыслями я все равно находилась в другом месте. Тех парней невозможно сравнить ни с Конрадом, ни с Джереми.

Тейлор была такой красивой, что парни, увидев ее, сворачивали шеи. А я обычно выступала в роли смешной девчонки и развлекала их своими шуточками. Я думала, что если приглашу ее в наш домик на пляже, то буду казаться мальчикам такой же красивой. Понимаете? Такой же, как она. Но мы даже не были похожи, и это было всем известно. Я думала, что если Тейлор приедет со мной, мальчики сразу начнут приглашать нас на вечерние прогулки по пляжу и на ночевки под открытым небом. Я думала, что наконец-то окажусь в центре событий.

И я не ошиблась на этот счет.

Тейлор умоляла взять ее на все лето. Я отказывалась, убеждая, что будет слишком много народу, но она была довольно убедительной. В этом, конечно, была только моя вина. Я слишком часто и подолгу расписывала ей парней, и в глубине души я хотела, чтобы она со мной поехала. Ведь она моя лучшая подруга. Ей хотелось, чтобы мы всегда были вместе и делили каждую минуту нашей жизни, и раздражалась, если это было не так. Когда она записалась на факультатив испанского языка, она захотела, чтобы я ходила вместе с ней даже несмотря на то, что я никогда еще не занималась испанским. Она говорила, что после окончания школы мы отправимся в Кабо-Сан-Лукас⁴. Моей же мечтой было поехать на Галапагосские острова. Я хотела посмотреть на голубоногих олушей, и папа обещал, что возьмет меня с собой. Я не говорила об этом Тейлор, но уверена, что ей бы эта идея не понравилась.

Мы с мамой встречали Тейлор в аэропорту. Она сошла с трапа в коротеньких шортах и майке, которых я еще никогда на ней не видела. Обнимая, я спросила ее, стараясь не выдавать своей зависти:

– Когда ты это купила?

– Мы с мамой прошли по магазинам прямо перед моим отъездом, – ответила Тейлор, протягивая мне одну из своих сумок. – Классно, правда?

– Да, классно. – Сумка оказалась тяжелой. Мне стало интересно – неужели она забыла, что приехала только на неделю?

– У мамы сейчас трудные времена. Они с папой разводятся, и она покупает мне разные шмотки, – сказала Тейлор, закатывая глаза. – Мы даже вместе сделали маникюр. Глянь-ка! – Тейлор протянула правую руку. Ее длинные ногти были аккуратно подпилены и покрыты малиновым лаком.

– Нарощенные?

– Конечно нет. Я не ношу искусственные ногти.

– Но я думала, что ты не отрачиваешь ногти из-за скрипки.

⁴ Кабо-Сан-Лукас (*исп.* Cabo San Lucas) – популярный мексиканский курорт.

– А, мамочка наконец разрешила мне бросить скрипку. Чувствует себя виноватой из-за развода, – сказала она тоном знатока. – Сама знаешь, каково это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.